

Лев Выготский: зона вариативного развития

Аннотация. В текущем году российская и мировая психологическая наука отмечает 120 лет со дня рождения выдающегося отечественного ученого-психолога Л.С. Выготского. С его именем, именами его учеников и многочисленных последователей связаны не только выдающиеся психологические открытия, но и главные прорывы в современном образовании, включая дошкольное. А сами эти прорывы обязаны этим открытиям. Авторы статьи рассматривают те идеи развивающего образования, которые задали четверть века назад ключевой вектор инновационному движению в образовательной практике. Эти идеи являются детищем школы Выготского, хотя и уходят своими корнями в историю психолого-педагогической мысли. Среди них «обучение, ведущее за собой развитие», «зона ближайшего развития», «социальная ситуация развития», «ведущий тип деятельности»... Положения Л.С. Выготского и его последователей определили конструкцию ФГОСа дошкольного образования. Подчеркивается, что культурно-исторический подход Л.С. Выготского к решению фундаментальных проблем психологии человека обозначил направление преобразования социальных практик в практики человеческого развития. Прежде всего это относится к практике образования на всех его уровнях.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, культурно-исторический подход, социокультурная среда, зона ближайшего развития (ЗБР).

Для науки и образования уходящий год стал Годом Льва Семеновича Выготского. 17 ноября 2016 г. исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося отечественного ученого-психолога. С его именем, именами его учеников и многочисленных последователей связаны не только выдающиеся психологические открытия, но и главные прорывы в современном образовании, включая дошкольное. А сами эти прорывы обязаны этим открытиям. Идеи развивающего образования, задавшие четверть века назад толчок и ключевой вектор инновационному движению в образовательной практике, – детище школы Выготского, хотя и уходят своими корнями в историю психолого-педагогической мысли. Из уст практиков образования сегодня не столь уж редко звучат обороты и термины из «словаря» Выготского и его школы: «обучение, ведущее за собой развитие», «зона ближайшего развития», «социальная ситуация развития», «ведущий тип деятельности»... Положения Л.С. Выготского, ученых, продолживших его дело, – А.Н. Леонтьева, А.В.

Запорожца, Д.Б. Эльконина и других – определили конструкцию ФГОСа дошкольного образования.

ВЫГОТСКИЙ И ВЫГОТСКИЙ

Культурно-исторический подход Л.С. Выготского (1896–1934) к решению фундаментальных проблем психологии человека задал направление преобразования социальных практик – в *практики человеческого развития*. Прежде всего это относится к практике образования на всех его уровнях. Именно поэтому понятие «школа Выготского» можно употреблять в двух смыслах. Эта школа давно является интернациональной. Нынешний Год Выготского отмечается не только в России, но и во всем мире: от Бразилии до Японии, от США до Австралии. «По Выготскому» работают не только ученые-психологи, но и учителя, воспитатели, а главное, не подозревая об этом... дети в десятках стран мира, ежедневно посещающие детские сады и школы. К ним следует добавить психологов-практиков (в том числе семейных консультантов),

социальных работников, волонтеров и других. Об этом двуединстве понятия «школа Выготского» еще раз напомнил Международный сетевой конгресс «Разум в обществе: культурно-деятельностный поворот», который был проведен в Москве в ноябре 2016 г. и приурочен к 120-летию ученого.

Вне всякого сомнения, Выготский – действующий персонаж психологии и образования XXI столетия, один из главных героев их новейшей истории. Чем это можно объяснить?

Есть Выготский и Выготский. Выготский, который по-прежнему живет в своих текстах и их вдумчивых читателях, и Выготский «из учебников». Схематично Выготский «в учебниках» предстает примерно так. Согласно его концепции, ребенок развивается не сам по себе, «силы» для развития он черпает из социокультурной среды, которую создает для него взрослый. Точнее, социокультурная среда создается его руками, умом, а если повезет, то и сердцем. Потому что, занимаясь этим, взрослый действует не «от своего имени», а от «имени и по поручению» самой культуры, которая сложилась исторически, тогда как он выступает лишь посредником между ней и ребенком. В сотрудничестве со взрослым ребенок осваивает культурные образцы – способы действия с человеческими вещами, модели человеческого поведения, эталоны человеческого мировосприятия и критерии оценки творящегося в мире, расшифровывает «языки» – символику культуры... А уж затем сам прилагает эти образцы и шифры к тем или иным жизненным ситуациям.

Выглядит правдоподобно. Только ведь о социальных факторах развития ребенка (куда включали и общение со взрослым) писали и до Л.С. Выготского. Но писали именно о факторах, части внешней обстановки. Обычно – как о чем-то извне навязанном, директивном. С этой стороны развитие представало как постепенное «социальное закабаление», а источники свободы искали в необузданной игре сил матушки-природы, что вполне естественно в этой логике. Хотя эта «матушка» – в некотором смысле куда более жесткий «диктатор», чем общество.

На самом деле у Л.С. Выготского все намного глубже и интереснее.

ТАЙНОЕ УКАЗАНИЕ

Представьте себе лекцию, слушатели чуть более оживлены, чем нужно лектору. И чтобы заново овладеть их вниманием, он поднимает палец вверх. Направляет руку не в сторону аудитории, а в некую абстрактную «высь». Указательный жест. Типичное символическое действие, возникшее в культуре в «управленческих целях». У каждого из нас он – «родом из детства». Но как ребенок овладевает указанием? Логично предположить – подражая взрослым. Они ведь бесконечно ему на что-то указывают, чтобы показать или приказать... Логика опрокидывает объяснение Выготского.

Вот младенец пытается схватить приглянувшуюся вещь, к примеру погремушку. Но та слишком далеко. Его ручки, тянущиеся к погремушке, беспомощно повисают в воздухе, пальцы проделывают хватательные движения, а один из них – указательный противопоставляет себя другим. Но малыш-то не осознает это как указание. Осознает мама. Осознает, приходит на помощь и достает игрушку. А через какое-то время ребенок и сам начинает относиться к противопоставленному остальным указательному пальцу как к жесту, который позволяет решить целый класс не доступных для него задач руками мамы (не оттуда ли корни волшебной палочки?). По словам Л.С. Выготского, движение, направленное на предмет, превращается в действие, которое адресовано другому человеку, в орудие социальной связи между людьми. В «инструмент управления». Что важно – «слабый» здесь управляет сильным: беспомощный младенец – всемогущим взрослым, носителем общечеловеческого, культурного опыта, который накапливался исторически, тысячелетиями! Конечно, это своего рода «аванс всемогущества», который

А.Г. Асмолов,
директор
ФИРО, зав.
кафедрой
психологии
личности
факультета
психологии
МГУ имени
М.В. Ломоносова,
действительный член
РАО, доктор
психологических наук,
профессор

В сотрудничестве со взрослым ребенок осваивает культурные образцы – способы действия с человеческими вещами, модели человеческого поведения, эталоны человеческого мировосприятия и критерии оценки творящегося в мире, расшифровывает «языки» – символику культуры... А уж затем сам прилагает эти образцы и шифры к тем или иным жизненным ситуациям.

об авторе

В.Т. Кудрявцев, заведующий кафедрой теории и истории психологии Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, советник директора ФИРО, доктор психологических наук, профессор

получает ребенок. Но этот аванс и создаст то, что Эрик Эриксон назвал «базовым доверием к миру», уместающемуся пока в детской.

Неудавшееся хватание становится вполне эффективным указанием. Из «движения руки» вырастает «движение души», как называл жест Ф.И. Шаляпин. Как тут не вспомнить один из афоризмов Роберта Кийосаки, который переводится примерно так: если кто-то указывает пальцем на вас и говорит: «Вы не сможете это сделать!», то три других пальца направлены на него самого, и они не менее выразительны, чем один указательный. Да, первоначально управление – эффект неудачи исполнения.

А позднее указанию подчиняется не только мама. И благодаря ему в руках оказывается не только недоступная игрушка. Сотни, тысячи людей и вещей способен «собрать в кулак» указующий перст. Но для этого уже надо знать «направление». И уметь «собрать» не только других, а в первую очередь – себя самого: указав, приказав себе, что и как делать. Овладеть ситуацией и собой в ней. Классический пример – девиз кризиса самостоятельности трехлетки «Я сам!», что бы из этого ни вышло. Л.С. Выготский рассматривает это как освоение позиции субъекта с присущей ему *произвольностью*. А произвольность, наряду с воображением, – ключевое обретение дошкольного детства – психологическая основа свободы, инструментом которой является культура.

В ЗОНЕ ВАРИАТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Понятие зоны ближайшего развития (ЗБР) – вероятно, одно из самых упоминаемых понятий Л.С. Выготского. Часто ЗБР толкуют следующим образом: это расстояние между тем, что раньше ребенок мог сделать только с помощью взрослого, и тем, что теперь способен сделать самостоятельно. Внешне это выглядит примерно так. Но только внешне. И... не совсем так. Получается, что «содержание дела» не меняется, лишь воспроизводится, только в самостоятельной форме. Отсюда у взрослого, педагога возникает уверенность, что он может «зонировать» детское развитие, имея под рукой некий готовый проект прохождения зон ближайшего развития, где

все расписано в духе «дорожной карты». Не учитывая даже того, что прекрасно понимал Л.С. Выготский: ЗБР всегда *вариативна*, предельно индивидуализирована, а ее границы весьма подвижны. Что в расширении (и сужении) этих границ участвуют не только взрослые, но и дети, взаимодействующие друг с другом. Не только сверстники, но и разногодки, представляющие различные возрастные формации и «субкультуры» детства (на этом, например, построена образовательная программа «Золотой ключик» Е.Е. и Г.Г. Кравцовых), а главное – сам герой «путешествия через зону ближайшего развития» (выражение Юрьё Энгештрема – финского последователя Л.С. Выготского), ребенок со своими *встречными инициативами* в отклик на инициативу взрослого.

Обратимся к примеру. Ближе к концу младенчества и на протяжении всего раннего возраста (1–3 года) ребенок интенсивно овладевает человеческими способами действия с человеческими вещами. Взрослый расширяет круг предметов, с которыми ребенок сможет производить все новые и новые действия. Вот, к примеру, только что приобретенная машинка превосходно подходит для этого. Поиграем с ней: поворачиваем ее колесики, разгоним, понаблюдаем, как весело мигает ее огонек... И взрослый в подобающей случаю серьезной, дидактической манере пытается организовать деятельность ребенка с игрушкой. Какое-то время внимание младенца приковано к привлекательной и полезной, с точки зрения взрослого, вещи, однако вскоре оно затухает. И тут-то выясняется, что у новинки имеется «конкурент»... Из всего многообразия игрушек малыш выбирает старенькое и невзрачное резиновое колечко и делает все, чтобы «заинтересовать» им своего наставника. Малыш протягивает к нему ручонку с колечком, размахивает колечком, как волшебным жезлом, перед лицом взрослого. Действия ребенка в чем-то напоминают ритуал, смысл которого скрыт для непосвященного.

Чтобы его приоткрыть, взрослому надо стать «немного» жизненным психологом. Тогда, возможно, он припомнит, как некоторое время назад «занимал» малыша тем самым колечком и под какой яркий эмоциональный аккомпанемент (ласковый разговор, нежные

поглаживания по головке и ручкам и т.п.) это происходило. А припомнив, может быть, поймет, что с помощью колечка ребенок стремится вернуть событие *того* замечательного общения. Для него колечко воплощает его собственную живую эмоциональную память о событии общения со взрослым.

Колечко для младенца – одновременно и «тотем», символ родства со взрослым, и «магический кристалл», сквозь призму которого способна по-новому преломиться человеческая сущность взрослого, и (в чем-то) «амулет-талисман», залог постоянства переживаемого эмоционального благополучия. Отказ от машинки в пользу колечка ведет к *разрыву* заранее намеченной и претворяемой взрослым «линии поведения» в отношении ребенка.

Ребенок стихийно превращает колечко в некий знак – «знак» ПРОБЛЕМЫ, которую он фактически ставит перед взрослым. Ведь для взрослого мотив вовлечения *этого* предмета в ход взаимодействия вовсе не очевиден, а инициативное обращение ребенка к нему через предмет выглядит явно *избыточным* с позиции норм обыденного нормособразного поведения. Взрослый-то руководствовался вполне ясной дидактической целью – вызвать познавательный интерес к новой игрушке и научить младенца каким-то приемам ее использования. И не сумел увидеть главного – неосознанного стремления «обучаемого» сохранить смысл деятельности, найти его или придать его ей заново. Между тем это и есть то необходимое условие, при котором ребенок сможет успешно научиться еще очень и очень многому. Малыш по-своему решал «задачу на

Вот она – вся драма образования! Мы приходим к детям со «значениями» (общественными значениями вещей), а они от нас ждут «смысла», с которым, кстати, готовы принять все эти значения. Мы задаемся целью их учить («транслировать значения»), а им нужно... воспитание, наполняющее жизнь смыслами! В том числе и для того, чтобы научиться учиться, ибо это – «смысловая задача».

смысл» (А.Н. Леонтьев) и справился с ее решением вполне успешно. Это и требовалось осознать взрослому, привыкшему фиксировать в любой задаче прежде всего познавательные или утилитарно-исполнительские цели.

Кстати, вот она, как на ладони, – вся драма образования! Мы приходим к детям со «значениями» (общественными значениями вещей), а они от нас ждут «смысла», с которым, кстати, готовы принять все эти значения. Мы задаемся целью их учить («транслировать значения»), а им нужно... воспитание, наполняющее жизнь смыслами! В том числе и для того, чтобы научиться учиться, ибо это – «смысловая задача».

Однажды Д.Б. Эльконин, выдающийся детский психолог, один из самых ярких и любимых учеников Л.С. Выготского, в шутку (?) задался вопросом: «Так кто же кого “социализирует” – взрослый ребенок или ребенок взрослого?»

Спросим и мы: чью же зону ближайшего развития проходят вместе ребенок и взрослый?

Похоже, и сегодня психологи, педагоги, родители все еще в начале той грандиозной «зоны развития», которую приоткрыл им в 20–30-х гг. прошлого столетия Лев Семенович Выготский.